

4. *Лоссиевский М. В.* Черемисская свадьба // Зап. Оренбург. отд-ния Императ. геогр. о-ва. СПб., 1881. Вып. 4. С. 170—176.
5. Марийцы : ист.-этног. очерки. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2005. 336 с.
6. *Мендиаров Г.* О черемисах Уфимской губернии // Этногр. обозрение : изд. этногр. отд-ния Императ. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1894. № 3. С. 34—54.
7. *Михайлов С. М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1972. 423 с.
8. *Сенеев Г. А.* Восточные марийцы : ист.-этногр. исслед. материальной культуры (середина XIX — нач. XX в.). Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1975. 245 с.
9. *Смирнов И. Н.* Обрядовые параллели в традиционных свадебных ритуалах марийцев и русских // Этнокульт. традиции марийского народа. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 1986. С. 98—121.
10. *Смирнов Н. Н.* Черемисы : ист.-этногр. очерки. Казань : Тип. Императ. ун-та, 1889. 155 с.
11. *Фукс А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань : Тип. Императ. ун-та, 1840. 329 с.
12. *Яковлев Г.* Религиозные обряды черемисов. Казань : Изд. Православ. миссион. о-ва, 1887. 87 с.

ББК 82.3(2-Ч)

О. А. Иванчина

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В СЮЖЕТАХ ЧУВАШСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Сказки чувашского народа, как и сказки других народов, затрагивают все стороны жизни этноса. В них отражены представления о добре и зле, жизни и смерти, земле и небе, счастье и горе, прекрасном и безобразном, людях и животных и, конечно же, представления о женщине и мужчине.

При анализе текстов сказок мы опирались на методологию структуралистской работы В. Проппа «Морфология “волшебной” сказки» [2], с внесением в нее ряда изменений, связанных с нашими задачами. Поэтому наиболее важным атрибутом будет являться пол персонажей, в соответствии с которым рассмотрены все остальные атрибуты, функции, мотивировки.

Наиболее распространенная типизация гендерной конфигурации, которую вводят исследователи, — это различие сказок по субъекту [1, с. 67]. В сказках, где субъект — мужчина, выделяют несколько сюжетов [1, с. 68]. В результате анализа чувашских сказок с мужчиной-героем были выявлены следующие наиболее распространенные варианты гендерных конфигураций: «герой-богатырь и женщина-приз (царевна)», «молодец и царевна».

Для гендерной конфигурации «герой-богатырь и женщина-приз (царевна)» характерен канон героя-богатыря, который отчетливо представлен в сказках «Как крестьянский сын за солнце работал», «Эдикан и Удикан», «Иван Иванович и Лазарь Лазаревич», «Чуста-батыр». Типичным видом испытания для героя является физическая борьба с врагами: «На Эдикана набрасывается сразу добрая сотня чертей, он выхватил меч и начал рубить водяных налево и направо. Махнет налево — десяти чертей нет, махнет направо — двадцати чертям головы срубит» [3, с. 56].

Атрибуты, которыми обладает царевна, совпадают с атрибутами сказочного канона положительной героини-жертвы. Она, как правило, пассивна в своих действиях, подчиняется воле отца: «Царь сдержал свое слово, выдал прорзревшую дочь за крестьянского сына» [3, с. 128]. Распространенное испытание для героини — проверка силы любви и преданности любимому мужчине: «Уходя в солдаты, оставил Эдикан в деревне невесту — красивую девушку Селиме. Селиме обещала ждать Эдикана. Родители девушки <...> решили выдать дочь против ее воли за другого парня. Селиме с горя и отчаяния утопилась» [3, с. 55]. Умение самозабвенно и преданно любить — одно из наиболее поощряемых качеств положительной героини.

Вознаграждение женских добродетелей: терпения, покорности, преданности — внешняя красота, удачный брак, счастливая семья и богатство. Это традиционный идеал женской судьбы.

Таким образом, рассмотренная гендерная конфигурация (молодая положительная героиня, богатырь-молодец) демонстрирует гендерный традиционный патриархальный стереотип. Психологические черты, предписанные женщине в рамках такого стереотипа, — терпение, покорность, сострадание, верность, жертвенность.

Гендерная конфигурация «молодец и царевна» («Бытыр и Чигехурсухал», «Юман и Чадах», «Иван-простак», «Иван-батыр», «Юман-батыр», «Иван») характеризуется тем, что протагонистом в этих сказках выступал один из сыновей (младший или старший, единственный) в семье. Положительному герою покровительствуют волшебные силы, воздавая ему за доброту, жалость, уважение к старшим. Он часто обладает чертами, которые в рамках патриархального стереотипа считаются типично женскими. Он близок к природе («У Ивана было два любимца: жеребенок и кудлатый щенок» [3, с. 246]), которая помогает ему; запросто выражает свои чувства: легко плачет, лихо радуется («Идут отец с сыном по земле и нарадоваться не могут <...> вдруг откуда-то взялся и с криком пролетел коршун над их головами. Юман сразу же опечалился» [3, с. 51]).

Женские персонажи в сказках с описанным выше сюжетом не просто являются субъектом поисков и вознаграждением героя, круг их действий расширяется. Здесь героиня (царевна Марье, красавица-Уга) задает трудные задачи: «Если не побоишься трудов и опасностей, приходи ко мне и буду я тебе верной и любящей женой, но помни, придется тебе износить три пары железных сапог, истратить три железных посоха да три железных колобка» [3, с. 171]; снабжает героя волшебными средствами: «Подала ему девица-ненаглядная красота коумысло и золотой перстень» [3, с. 203].

Положительной героине позволительно иметь строптивый нрав, когда речь идет о выборе жениха (царевна Марье вместе с отцом стремится погубить Ивана-бытыра, отправляя его на разные испытания [3, с. 74]). Но в конце концов девушка демонстрирует покорность: «Пока они шли вместе, успели полюбить друг друга» [3, с. 76].

Физическая красота, как всегда, — обязательный атрибут положительной героини: «Младшая дочь была красоты неопикуемой...» [3, с. 251]. Кроме красоты, для героини также важны такие качества, предписанные патриархальным стереотипом, как сострадание, умение утешить и поддержать близких ей людей в трудную минуту, навыки, необходимые для ведения домашнего хозяйства. Так, царевна Уга утешает суженого словами: «Не вешай головы <...> на поклон ни к кому не пойдем, все сами справим как надо» [3, с. 174]. Она шьет наряды для родителей, накрывает богатый стол, где «так много всего наготовлено, что хватило не только на ближнюю родню» [там же], тем самым доказывая всем, что она хорошая хозяйка.

Негативными чертами женщин (мачехи) считаются зависть, коварство, нелюбовь к детям. В рамках патриархальной традиции порицается авторитаризм хозяйки дома.

Можно сделать вывод, что в сказках с данной гендерной конфигурацией патриархальный стереотип размывается, становится менее жестким и определенным. Часто испытания проходят и герой, и его невеста, однако типы испытаний гендерно дифференцированы и воспроизводят патриархальное разделение сфер жизни.

Немало чувашских сказок содержат в своих сюжетах собственно описание добродетелей девушек. Традиционная культура высоко ценила духовную красоту девушки, ее способность к умиротворению. В сказке «Девушка на луне» героиня-падчерица спасается от своей мачехи-колдуньи мольбой к луне: «Девушка в отчаянии взглянула и взмолилась на луну: “Не допусти, ясный месяц, моей гибели!”» [3, с. 165].

Уважение к природе и к проявлениям потустороннего мира выступает неотъемлемой характеристикой положительных героинь. В сказке «Старикова дочь» дочь старика безропотно терпит унижения и побои от своей мачехи, в тяжелые моменты жизни с любовью и почтением относится к природе: «Ночью она проснулась от щебетания птиц, посмотрела и увидела на дереве двенадцать голубей. Девушка тихонько запела...» [3, с. 300]; к проявлениям потустороннего мира: «Ровно в полночь из-под печки бани вылезла страшная старуха Ййе. Девушка очень перепугалась, но все же нашла в себе смелость приветливо встретить ведьму» [3, с. 301]. За свою доброту, почтение, уважение героиня награждается богатством: «...набросали ей драгоценных камней и улетели» [3, с. 300]; внешней красотой: «Тело стало белое, как мрамор, волосы и брови черные, как ночь, а губы и щеки — как маков цвет» [3, с. 301]. Ей в сказке противопоставляются злая, коварная, жадная мачеха и ее гордая, брезгливая дочь, которые за свою надменность наказываются традиционной моралью.

Сказочная мораль особое внимание уделяет описанию должного в общении и поведении девушки-невесты с представителями противоположного пола (женихами). Так, в сказках «Кукла» и «Про девушку и про ужа» представлены

два противоположных типажа девушек-невест. В первом случае выводится отрицательный персонаж — невеста, которой присущи надменность, избирательность, излишняя активность по отношению к потенциальным женихам. Она наказывается сказочной моралью со словами: «На том и кончилась сказка о разборчивой невесте-кукле» [3, с. 33].

Героиня сказки «Про девушку и про ужа» воплощает женские добродетели — доброту, покорность, кротость: «Несмело девица присела к столу...» Она демонстрирует покорность судьбе со словами: «Видно, так на роду написано. Обещаю быть тебе верной и любящей женой» [3, с. 219]. Героиня, конечно же, покоряется уготованной ей судьбе, при этом ориентируясь в своем решении на общенародное представление о должном: «Суженого, сказывают, и на коне не объедешь». Вознаграждение женских добродетелей — удачный брак и богатство.

В чувашских сказках часто встречаются сюжеты, выводящие мораль супружеской жизни. Традиционная культура предписывает женщине роль хранительницы домашнего очага. В сказках «Про медведя», «Про девушку и про ужа» предвестием беды и несчастья в семье становится излишнее тяготение жены к родительскому дому: «Позволь мне с ребятами пойти к родителям». На что ей муж отвечает: «Потерпела бы еще три недели... Ступай, ежели так не терпится» [3, с. 222]. За проявленное нетерпение героини обеих сказок в дальнейшем несут наказание, становятся вдовами: «Говорят, жена медведя до сих пор живет у своих родителей» [3, с. 35].

Описанием отрицательных качеств замужней женщины богата чувашская сказка «Злая жена». Здесь представлен типичный отрицательный женский персонаж: героиня бездетна, по психологическим характеристикам — «сварлива и упряма» [3, с. 161], обладает жестким авторитарным характером. В семье она является лидером и управителем: «...старика ни во что не ставила, слова ему не давала вымолвить». Происходит нарушение традиционного гендерного сценария и в сфере производственно-хозяйственных отношений: «Старик делал все что надо по дому, носил воду, кормил скотину, один управлялся и с полевыми работами» [там же]. Сказочная мораль, порицая авторитаризм хозяйки, делает ее недостойной супружеской жизни и наказывает ее со словами: «Так, говорят, и жили старуха и черт в той яме, мучая и изводя друг друга до самой смерти» [3, с. 164].

В большинстве чувашских сказок заявлено типичное разделение производственно-хозяйственной деятельности. Для женщины характерны занятия, связанные с ведением домашнего хозяйства, для мужчин — деятельность вне дома, в общественной сфере. В этом смысле показательны сюжеты сказок «Пирог веревочкой», «Откуда Волга началась» («Пришла зима и невеста села за пряжу» [3, с. 226]), «Приметливый портной» и др. Ярким свидетельством гендерной дифференциации хозяйственной деятельности является и то, что женские персонажи во многих сказках оперируют в своих действиях предметами только из «женской сферы» (клубок ниток [3, с. 54], иголка [3, с. 154], метла [3, с. 153], волшебный пирог [3, с. 44], шелковый платочек [3, с. 134] и т. д.).

Традиционная культура предполагает жесткую регламентацию хозяйственной активности мужских и женских персонажей, нарушение которой приводит, как правило, к нарушению семейной жизни, как в сказке «Пирог вере-

вочкой». Будучи недовольным кулинарными способностями жены-старушки, хозяин предлагает временно поменяться хозяйственными обязанностями. Такой эксперимент завершается тем, что старик не справляется ни с одним из женских дел: «Сама занимайся своими женскими делами, а я пойду поищу по свету таких же глупых да неумелых, как ты» [3, с. 341]. Интересно отметить, что героиня-старушка испытание на выполнение мужской работы проходит успешно, однако внимание на этом не акцентируется.

Для выяснения гендерной конфигурации важно рассмотреть властные отношения между полами, воспроизводящиеся в рассмотренных сказках. Исследование показало, что люди старшего поколения независимо от пола обладают большой властью в сказочном мире. В большинстве случаев пожилые люди, родители — воплощение мудрости и знания жизни: «А и всяк молодец на сем свете женится, да не всякому женитьба удастся» [3, с. 175]. Однако сказочная мораль допускает послушание старших по возрасту (родителей) в том случае, если ориентирами в их действиях выступают лживость, коварство, скупость и др. В начале сказки «Питахир и Янзихире» государь-батюшка дает обещание егерю с ним породниться, но спустя время забывает о своем обещании и старается выдать свою дочь, красавицу Янзихире, как можно выгоднее: «Не парой моей дочери эти женихи» [3, с. 228]. И когда появляется жених, соответствующий требованиям царя-батюшки, героиня Янзихире отвечает протестом желанию родителей выдать ее замуж: «Как ни оробела царевна от этой новости, но набралась храбрости, земно поклонилась сперва отцу с матерью, потом королевичу и промолвила...» [3, с. 229]. Из текста видно, что дочь, хотя и выступает с протестом против воли родителей, но делает это с уважением к ним, за что традиционная мораль награждает героиню возможностью прожить всю жизнь с любимым человеком. Но ее неповиновение (и отсутствие родительского благословения) не остается незамеченным, платой за протест становятся изгнание ее из царства родителей и материальные лишения [3, с. 234].

Ключевым моментом в рассмотрении характеристик женских персонажей является представление о женщине как матери. Предметы быта и деятельности женщины-матери в сказках наделены волшебными свойствами, в первую очередь связанными с идеей возрождения/рождения нового. В сказке «Чустабатыр» старуха-мать «замесила тесто, вылепила ребенка» [3, с. 282].

Традиционная культура, как правило, по достоинству оценивала способность женщины к продолжению рода, эмоциональную близость матери и ребенка, высокие нравственные начала в женщине. В одной из древних чувашских сказок встречается героиня-помощница в образе «земли-матери» [3, с. 328], которая приходилась герою-богатырю названной матерью. Подобное олицетворение находим в сказке «Дети ветра», где властительницей стихии ветра выступает женское начало — «мать детей Ветра» [3, с. 43]. Однако не всегда женщина-мать является положительным персонажем. Насколько сильно традиционная мораль оценивала эмоциональную близость матери и ребенка, настолько жестко она осуждала ее отсутствие в женщине. В сказке «Земля поглотила» отрицательными персонажами выступают «пьянствующая мать» [3, с. 151] и «мать-колдунья» [3, с. 153], которые совершают по отношению к своим детям безнравственные поступки.

В сказочном нарративе пространство для женской самореализации ограничено пределами дома и семьи. Устная же традиция не исключает возможности проявления женского героизма и женского руководства действиями множества людей, но исключает такую женщину из обычной жизни. Примером тому служит легенда о «Царице Пике» [3, с. 327].

Подведем итоги. Во-первых, в рамках традиционного патриархального стереотипа женщина пассивна и виктимизирована. Выбор супруга часто осуществляется отцом девушки без ее участия. Героиня играет роль «приза» для победителя злых сил. Женский персонаж, обладающий атрибутами, характерными для патриархального стереотипа, всегда оценивается положительно. Во-вторых, большинство сказочных сюжетов увязывают оценку судьбы героини с перспективами замужества и дальнейшего семейного благополучия. В семье неоспорим приоритет мужчины и старших по возрасту, поэтому достоинства будущей жены и снохи включают такие качества, как добросердечность, покладистость, исполнительность. Не менее важной характеристикой идеальной жены является ум, позволяющий ей быть мудрой советницей мужа, а также высокая работоспособность и совершенство трудовых навыков.

Библиографический список

1. Здравомыслова Е., Герасимова Е., Троян Н. Гендерные стереотипы в дошкольной детской литературе: русские сказки // Преображение : науч.-лит. альм. 1998. № 6. С. 65—77.
2. Пропи В. Я. Морфология «волшебной» сказки ; Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт, 1998. 512 с.
3. Чувашские народные сказки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 351 с.

ББК 63.3(2)614

В. С. Околотин

РОЛЬ ЖЕНЩИН В РЕАЛИЗАЦИИ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (1929—1935 гг.)

Модернизация национальной экономики в 1930-е гг. характеризуется различными примерами вовлечения женщин в строительство новой жизни. Их участие наравне с мужчинами в общем производительном труде стало возможным благодаря провозглашению Конституцией 1918 г. принципа равноправия женщин. В тот период революционной пропагандой женщины рассматривались в качестве не только объекта воздействия, но и проводника большевистской идеологии. Предполагалось, что революционные идеи, сформированные у женского пролетариата под воздействием агитации и пропаганды, будут пере-